Полное выздоровление

Падение с Земли - 3

Александр Владимирович Тюрин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Второе произведение из цикла “Падение с Земли”

Созданный биокибернетиками вирус призван защитить человека от всех болезней. Однако, на пути к полному выздоровления нас ожидает сюрприз. Вирус-защитник причисляет к числу болезней все, что ему в человеке не нравится.

- Александр Тюрин
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Александр Тюрин
ПОЛНОЕ ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Хоть я мал и глуп, а служить буду не хуже других.

Из сказки

1

…Принятием новой статьи конституции Верховный Совет подтвердил массированное внедрение в труд и быт граждан симбиотических киберсистем, известных как «жизненные оболочки». Кибернетизации страны предшествует комплекс подготовительных мероприятий, определенных законами об «Общественном здоровье» и «Праве на безопасность»…

Официальное сообщение

2

Матвей Малов угодил на больничную койку с переломом костей и хрипом в спине. Тоже неплохо. Мог ведь оказаться на лежачем месте чуть пониже уровня земли. Таковы были последствия неуместной (в неверно выбранном месте) критики — на грузовом ярусе моста, откуда и швырнули самого критика. Собственно говоря, он гулял по верхнему ярусу, отведенном для легковушек и редких пешеходов, не боящихся ветров. Размышлял над своей новой книжонкой под верным названием «Смерть онанизму», которая начиналась так: «Редкий литератор не страдал венерическими заболеваниями». Как и его последняя брошюрка «Забавная сексопатология в картинках», она имела бы страничек тридцать убористого текста, размножилась бы на пол ста экземпляров и разошлась бы в винных лабазах старого города. Матвей собрался проанализировать человеческую натуру, расчленив ее на самые мелкие части,— такие как нейроны, митохондрии и спирохеты,— и пристрастно разобравшись с их поведением.

«…Из-за поворотов кровяных каналов выплывали липкие мины антител, сочащиеся гнусной силой. Откуда-то выныривали нестерпимые чудища с невеселым именем «фагоциты». Они мигом откупоривали наступающим героям доспехи-капсулы и снова погружались, унося в своих объятиях — объятиях смерти — лучших бойцов бацилльного стана. «Победа будет за нами… — подзуживал несгибаемый Бацилла Великий, пронзая плевком очередного врага,— даешь нейроны. Мозги для всех!»

Конечно же, Малов хотел выпустить в свет что-нибудь стоящее. Но когда-то в юности он не проявил должной понятливости. Разве мэтры не уделяли ему по-отечески время и внимание? «Зачем вы все это написали?» — «Я хотел…» — «Опять «я» да «я». Думали ли вы пусть чуть-чуть о читателе?» — «А он обо мне?» — «Их миллионы (палец светила вздымался кверху). Им подавай насущное и наболевшее. А вы за их счет хотите самовыражаться».

Не послушался Матвей. Остался навсегда мелким литературным камешком, которому дозволено просвистеть по-быстрому и скромно сгореть в атмосфере, не выделяя много дыма. А потом и вовсе стало неприлично околачиваться в приличных редакциях — нос красный, пальтецо с непонятными пятнами, плюс неотъемлемое сквернословие.

Лжеписатель уже насочинял до того момента, когда хор гонококков, выдавливая свои токсины, навевал инфицированному

юноше-поэту стихи о любимой. И тут раздались вопли. Вопили с нижнего яруса моста. Обычная совсем история. Двое спортивных ребят в кожаных куртках «улучшали» кулаками и ботинками внешний вид неспортивных бледно-зеленых мужчин. Эти «бледно-зеленые», с глубокими отпечатками многочисленных утех на расплывшихся «фасадах», не внушали симпатий, напротив. Однако, один из них уже пустил грязную струйку изо рта, второй полз на четвереньках, надрывно, несколько театрально, кашляя.

Малов стал уходить, но ноги словно вязли в упругой среде, и вдруг упругость швырнула его назад. Он побежал, чувствуя облечение и страх. На нижний ярус вел винтовой трапик. Развязать дискуссию на общую тему не удалось. Двое «спортсменов» зажали критика, потом взяли его за руки-ноги и, раскачав, спровадили в речку. «Освежись, папаша!»

В больнице произошло уплотнение из-за ремонта — строители выкуривали своим перегаром бессмертные штаммы каких-то клебсиелл. Вначале Малов разместился джентльменским валетом с горячим как чайник легионеллезником. Сосед шумно попросил газировочки («га-а-азу мне»… но его никто не понял) и незаметно помер. Покойник нечаянно отморозил Матвею бок, пробудив дремавший до поры радикулит. Кстати, недоброжелатели потом утверждали, что сосед скопытился, когда на него положили сломанную ногу Матвея. Сам Малов ничего этого не заметил — он читал в бреду газету «Правда», положив ее на конечности напарника, видневшиеся рядом с его глазами.

Затем случилось, что двое инвалидов повезли Малова в перевязочную. Впередсмотрящий упал в дверях, наступив на собственные панталоны, которые ему выдали на вырост. Поскольку подрасти он не успел, то и потащил за собой вниз каталку со всем ее содержимым. Второй калека, тот что с воспалением уха, не слышал бранных криков. Он с чувством долга пер вперед, пока не умял барахтающуюся группу товарищей, употребляя вместо пресса-уплотнителя некогда безобидную каталку. Количество травм на сизое рыло больничного населения заметно увеличилось.

Одна беда вела за ручку другую, словно они были первоклассницами на переменке. Только решился Малов простирнуть свою кожу в душевой — поползли его костыли по первобытной слизи, в которой еще только зарождалась жизнь, и пациент со всеми своими гипсовыми украшениями и деревянными деталями сотряс пол. Пока Матвей радовался, что обошлось без членовредительства, подкравшаяся нянечка навесила амбарный замок на дверь душевой, «чтобы всякие шелудивые не расходовали воду зазря, когда спать положено».

Крики Матвея, похожие на позывные осипшего петуха, разбились о железо двери, и останки их развеялись в пустоте коридора. Перед мысленным взором Малова уже пролетали живописным клином все грехи, накопившиеся в нелегкой биографии. Однако в полночь замок был сбит пулей, дверь вылетела, и на пороге возникла белая фигура. Это был представитель Института, который стал забирать Малова из больницы под обвинительные вопли нянечки: «А что он там все время моет?».

3

Строгая женщина в голубом халате скучно объясняла устройство скучных вещей: крана, койки, форточки.

— Все тут не по-людски: рычаги, педали. Нет, еще не скоро пойму, почему форточку надо закрывать ногой,— откликнулся я.

Строгая, строгая, а под халатом только трусики общей площадью в пять квадратных миллиметров.

— Я тут проигрыватель нашел, сестра. Хорошая музыка есть. Потанцуем вечерком? Я — прекрасный плясун.

— Пациент Малов, вы всем одно и то же говорите?

Очень нужно с тобой танцевать, хранительница мочи и кала. Ты же двигаешься, как машинка для стрижки газонов.

— По всем щекотливым вопросам к вам обращаться?

Игнорирует, попробуем острее.

— Сестра, а что здесь заменяет полноценную сексуальную жизнь?

— У вас ее будет заменять полноценная клизма.

Настоящая пила — ты к ней пристойно протягиваешь руку дружбы, а она по ней зубьями.

— Ваш любовник сделан в колбе?

— Еще один «умный» вопрос, я вызову санитаров и вкачу вам сульфазин.

— Спасибо за информацию.

Понятно — переборщил. Но она — или душегуб, или таким образом нынче отшивают. Если бы я приставал! Я окончательно понял — тому, кто не пристает, говорят: «Нет».

В процедурной солнце смотрелось в никелированные железки. Умнее ничего не могло придумать. Так же благостно оно сияло бы и на железку гильотины. Умнее ли наша любимая звезда моего тапка? Кто знает?

Вот светило уткнулось в кончик иглы. О, Ярила, освяти миллиграммы незнакомой падлы, которая сейчас из-за сестры Исидовой ворвется молнией в глубины зада.

— Больной, что вы кричите, будто вас режут?

— Так вы же меня и не гладите.

4

В палате, разрезанной на одиночные боксы, их было пять. «Пятеро смелых», как выражалась опасливая нянечка. Алкаш широкого профиля по кличке Муму; бомж Андрон с пятидесятилетним стажем; Никита, пострадавший от любви, он же по совместительству спидоносец; юноша Петя с вызолоченным кудрявым чубчиком — из начинающих террористов, группировки «Смерть Носатым». И Матвей Малов. Непродолжительное время в их рядах находился шестой, некто Гур. Но повинуясь закону пяти, он исчез при невыясненных (никто не хотел выяснять) обстоятельствах.

Ночью, по таинственным причинам он оказался рядом с Муму, который ворочался на койке, страдая тяжелой формой беспокойства. Алкаш вдруг стал звать на помощь — и товарищи не подвели. Стрелой мелькнул бомж Андрон и так обработал подозрительную личность тапком по рылу, что та стала хладным прахом. Петя с чубчиком попытался еще раздавить Гура отсутствующими сапогами. Желая быть хоть чем-то полезным, владелец СПИДа справил малую нужду на темную личность, которая, когда очухалась, без лишнего шума выползла за дверь. Правда, позавтракав, Муму вдруг вспомнил, что «этот самый, кажись, закурить просил…»

Но после случившегося ЧП началась самая обычная жизнь. Алкаш то экономил таблетки как буржуазия, то по-пролетарски швырял их в пасть словно лопатой и прихлебывал горячий чифирь, создавая комплексное удовольствие. Но он был резко несогласен, он неустанно клеймил позором тех, кто заманивает честных трудящихся в институтские клетки. Измученный таким зудежом юноша-террорист пытался научить Муму оттягиваться на манер народных богатырей прошлого, плавными жестами показывая ему микрокосмическую орбиту богатырской силушки и точку выхода таинственной «живой воды».

«Насчет «живой воды» я тебя понял,— откликался Муму, стараясь попасть тяжелым, как гаечный ключ, пальцем по носу собеседника, и тут же переключался без связи: «Ну-ка скажи, шкет, космос наш?» — «Спустим в сортир «носатых» и будет наш», — терпеливо успокаивал его Петя, после чего алкаш-страдалец ненадолго окостеневал.

Юный террорист тоже был несчастлив, здесь никто не понимал принципов его борьбы. Медперсонал считал его олигофреном, товарищи по несчастью упорно отказывались вникать в его построения. Петя переживал, что не может

сражаться с таинственным заговором «носатых» против прежней природно-почвенной жизни. Той самой, которая у предков протекала на печи, на завалинке, в баньке, за столом — со жбаном бузы. Это «носатые» своими успехами заставляют всех соперничать и вкалывать, не покладая рук и ног. Это «носатые» своей вертлявостью лишают человека сладости мирного отдыха, мешают хороводам и посиделкам, где могли бы предаваться соитию родственные души. Это «носатых» надобно, преодолевая зевоту, изничтожать без устали. Или хотя бы гадить им под двери, поджигать почтовые ящики и мочиться в парадной. С увядающей радостью юноша вспоминал последний поединок с «носатыми» у выхода из оперного театра, когда потери врага составили трое очков, двое зубов и один ридикюль.

Бомж по ночам взлетал с койки и, побежденный силой тяготения, шлепался на пол. Болезному Андрону во сне, да и наяву мерещилось, что того и гляди, подоспеет исполнительный лист с алиментами за полвека, а также кипа повесток в суд и военкомат.

Даже пострадавший через секс Никита чего-то боялся, его гнусавый голосок все реже разливался переливами заразительного (в разных смыслах) хохота. «Доктор ножницы схватил и полперца отхватил»,— делился мрачными прогнозами он.

Матвею жилось много лучше других, и он это признавал. Все желания исполнялись, потому что были близки к нулю. Побои исцелялись, хрип в груди затихал, кости срастались, карандаш, свистнутый со стола доктора, шуршал по клочкам бумаги.

Кроме того, Малову было приятно, что им заведует старшая сестра Исидова. И пусть это вряд ли имело какое-нибудь значение, старался вести себя красиво — как актер на сцене. Аккуратно ел, спал, захлопнув рот, не позволял себе мелких шалостей.

Со всеми, даже с распоследней сволочью старшая сестра обращалась как хорошая птичница с яичками — быстро, аккуратно, упруго, даже нежно. Единственное, что ему не нравилось в Исидовой — она делала уколы. Инъекциями занимались, конечно, и другие сестры, но Исидова лично, раз в день, колола каждого пациента в главную мякоть. Ее настойчивость в занятии этим делом, а также необходимость показываться в столь неромантическом виде перед дамой, беспокоили Малова. Правда, недолго. Ведь он не мог не заметить, что лечение благотворно подействовало на его однодельцев. Ошибки быть не могло: разгладились лица, помягчали манеры, от пациентов нельзя было теперь услышать громкого слова или

неприличного звука, увидеть ужимки и прыжки.

Алкоголик внешне уже не напоминал монтировку, он ничего не искал теперь, кроме пользы своему телу. Говорил всем: «Дурак я был» и налегал на атлетическую гимнастику: благо здесь имелся отличный спортзал. Пелена лет свалилась с него, и он стал ладноскроенным джентльменом с усами-пружинами. Он рассказывал прилежно внимающему террористу про особо точный фрезерный станок — тут и выяснилось, что когда-то Муму трудился в космическом центре.

Оказалось, и террорист Петя может быть полезным человеком. Он сразу дал совет, как поднять производительность станка на десять процентов: выходить на работу на полчаса раньше. И, наконец, согласился не изничтожать «носатых», а победить их упорным трудом.

Бомж Андрон вежливо, но настойчиво принуждал всех вытирать ноги и мыть руки по десять раз на дню. Он повесил на окно занавески вместо жалюзи и развел цветы, он пек пироги по забытым рецептам бабушки Матрены. Администрация ни в чем ему не перечила. У него даже прорезался тенор. «Наш уголок нам никогда не тесен»,— звучало в палате, особенно, когда там находилась Исидова.

Спидоносец Никита тоже стал выправляться. Для начала он сменил выпирающие кости и члены на округлый вид. Попросил фрак — ему принесли. Когда с пациентами ужинала Исидова, он галантно шутил и даже ухаживал за ней — тонко и ненавязчиво. Потом прочитал по материалам прессы лекцию о большой роли женщины-матери и труженицы в обществе, в борьбе за мир и озеленение, объяснил, за что ее нужно уважать.

Однажды во время процедуры Малов засмотрелся на Исидову, которая, в свою очередь любовалась содержанием ампулы, входящим в шприц.

На ум пришло несколько строчек, Малов почувствовал, что они ускользают, и вытащил бумажку с карандашом. Чтобы чиркнуть про то, как светлые воины, представляющие лекарства, грызут блюющих ядом микробов. «Трупы бацилл валялись на огороде и в поле, в шкафах и на стульях. Враги убивали их повсюду, где встречали и где не встречали тоже. Бациллам отрывали жгутики, выдирали митохондрии, вышибали с одного удара нуклеотиды. Уцелевших прогоняли сквозь прямую кишку.»

— Значит, вы пишете,— с грустью зафиксировала сестра и положила прохладную ладонь на жаркую голову Малова. — Бедный вы мой.

— Почему бедный?. У меня есть зубная щетка, трусы, расческа. Хотя уж, конечно, изюм из булки не выковыриваю.

— Мы поможем вам,— ее глаза посветлели от устремленности в какую-то даль,— и многим другим.

— При чем тут другие? — пожал плечами Малов,— на всех не напасешься.

— Доктор Козлов стоит на том, что любая психопатология — всегда ускоритель системных поражений организма. Это рычаг, что сворачивает нормальный химизм среды. Дыра, через которую уходит энергия и входит болезнь.

— Ну, Козлов! Я смотрю, ему сказать такое, что плюнуть. Милочка моя, привет и прости от патологий, живущих у меня и исправно отрабатывающих свою жилплощадь. Не будем устраивать экскурсии по многострадальному родному телу.

Малов тут заметил, что Исидова смотрит на него ласково, но деловито, будто он сам был каким-то вирусом. Показалось, решил он. Но когда Матвей вернулся с обеда, то обнаружил, что смыло все его достояние, и огрызок карандаша, и жеванную бумагу. Нарушитель не только проник в тайник подушки, но даже зашил ее напоследок, проявив определенную заботливость. Ни перековавшийся алкаш, ни начавший мирную жизнь террорист не смогли что-либо добавить или убавить по сути происшедшего.

— У кого-то припадок? — отреагировала на появление сердитого пациента Исидова.

— У меня припадок. Сейчас завизжу как свинья. Какие-то жлобы свинтили мои канцтовары.

— Матвей, не надо так говорить о людях, выполняющих свой долг. У нас действуют разумные ограничения.

— Ну, ладно, на жлобов они еще не тянут. Выполнили задание, можно и галочку поставить. А теперь отдайте.

— Нельзя,— милым голосом сказала Исидова,— вы считаете себя талантливым человеком, но талант един, попробуйте свои силы в чем-нибудь другом. К сожалению, ваша пространственная дельта-синусоида четко показывает перевозбуждение одних зон и угнетение других. Страдает ваш иммунитет, неустойчивы плазменные структуры крови.

— Ну, а мне-то зачем надо, чтоб они были устойчивы? Это, может, тем нардепам требуется, которые сочинили последние два закона. Но я с такими друзьями даже мочиться рядом не стал бы.

— Вашим ртом сейчас говорит болезнь. А моя задача — увидеть вас, Матвей, полноценным, здоровым и счастливым. Ваше так называемое «творчество» — это просто уход организма из состояния равновесия. Ваша так называемая «муза» — тот же самый продукт неравновесного состояния, что и остальные болезни.

Эдакие пронзительные слова Малову, действительно, никто

не говорил. А вдруг, в самом деле, он, ища себя, заблудился в гнилых потемках?

— Я, пожалуй, даже взволнован заботой. И мама предупреждала меня: «Матюша, ты пустоцвет». Ну, полечи, сестричка. Прикажи сделать клизму, авось письменное искусство из меня и выскочит.

Исидова закинула ногу на ногу, и Малов заметил, что к его приходу надеть она успела только один чулок, а коленка у нее гладкая, будто не настоящая. И вообще-то, она — вполне… страсти разжигает. Наверное, он даже может под каким-нибудь предлогом до этой дамочки, в целом, и до ее коленки, в частности, дотронуться. Например, облокотиться, зашатавшись от сильного чиха. Нахрен всю писанину, если Исидова не отскочит. А ведь, пожалуй, не отскочит.

Но вдруг Малов сообразил, что она купила его за несколько минут своей мнимой доверительностью, а еще пуще своими убедительными рельефами. Не за дорого, кстати. Нет, мотать отсюда. Это ж не тюрьма. Пусть штрафанут, пусть месячишко попрессуют в исправильнике. А потом — воля. И живописуй любимых бацилл хоть пальцем на дерьме.

Раненый в душу Малов грубо толкнул дверь сестринской и, тяжко топая, отправился в свой бокс. У него найдутся сообщники, уговаривал себя горе-писатель, макая перегревшуюся голову под кран — смелые, наглые — такие, как он. Не могут не тосковать однодельцы по другим измерениям жизни. Алкоголику, наверняка, снятся парки, скамейки, щебетание птичек, стаканы с красным и белым. Бомж хочет услышать стук колес, который бесплатно понесет его на юг, к звенящим истекающим соком базарам и надежной крыше теплого небосвода над головой. Подданный Венеры, должно быть, соскучился по боевым подругам. А террорист тоскует по звонкому выкликанию лозунгов в кругу товарищей по борьбе. И возможности для побега найдутся, даже при запертых дверях и зарешеченных окнах. Есть у кое-кого золотые руки, пригодные для распиливания решеток, есть подсобные материалы для вязания веревок.

В дальнейшем Малов не терял времени даром, он намекал своим товарищам, он отзывал их в сторону по одному и по двое. Однако…

— Сменять светелку-бокс на коммунальный подвал в крысиной республике? Где живот болит и фурункулы чешутся,— огрызнулся бомж Андрон. — Шалишь, инженер человеческих душ. А до юга поди доберись. Сбросят пацанята под колеса, и читай в газете: «Снова найден бездокументный труп».

— Ну, залудил, Матвейка. Мне что опять в ханурики

подаваться? — возмутился алкаш. — А я ведь могу сейчас не только сантехником, но и в космическом центре служить. Подам запрос за подписью главврача, дескать, с пьянкой завязал, готов к тонкой работе над ракетами. А пока останусь здесь, опыт свой буду охапками передавать молодежи. Понял, пис-ссатель?

— Ну, может, добрый витязь, хватит точить свой меч Онан,— подступился Малов к спидоносцу Никите. — Или чудом нашлась та неприхотливая девушка, которую ты смог притянуть за уши?

Спидоносец толково объяснил, что торопиться ему особенно некуда. Он любит плотски свою надувную подругу и, пока что платонически — не отвечая уколом на укол — сестру Исидову. Малов удивился. Значит, такой распространитель заразы как Никита уже довольствуется малым. В том же ряду дивных исцелений явно находятся и разумные преобразования других однодельцев. Это означает, что доктор Козлов действительно обладает страшной лечебной силой. Но только ли лечебной?

Даже некогда юный террорист Петя посмотрел взглядом старухи.

— Мы уже немолоды, а там,— он махнул на окно,— ничего от таких как мы не надо. Ты, хоть и «носатый», а не пробил лунку и не всплыл наверх. Связи у тебя лишь на уровне очереди по сдаче пустой стеклотары и художества твои никого не возбуждают. Значит, ты заранее всем надоел. Что ты ТАМ забыл, Малов?

— А ты, значит, прикипел к этой убогой жизни, маленький?

— Мы ТАМ появимся,— мечтательно закатив глаза, заявил юноша,— однако, новыми лучшими людьми. Я всегда хотел быть вместе с товарищами, только товарищи попадались не те. Но сейчас мы работаем на какую-то очень серьезную Систему. Она не бросит на полпути, она позаботится о нас, потому что мы будем ее витриной. «Люди полностью совместимые с киберсистемами — совместимые с Будущим». Вот какая вывеска зажжется у нас на лбу. А не таким, как мы, сильно поплохеет. В этом можешь быть уверен, Малов. Но надо делать то, что требуется Системе, а не то, что прибредится твоему гнилому кочану. И тогда Система всегда будет стоять за твоей спиной. Ты уже никогда не останешься один против всех. Тебя не посадят на перо криминалы, тебя не потопчет легавка. Все будут понимать, что с тобой не стоит связываться… Слушай, если Системе понадобится, я стану даже слону яйца качать. Это вполне отвечает моим принципам.

И Петя вернулся к починке дверного замка.

— Между прочим, Малов, у меня здорово получается. И ты не ерунди, а подыщи себе занятие. Так скорее окажешься на воле.

Мысль о сообщниках исчезла из головы Малова также быстро, как и появилась. Он — волк-одиночка. Звучало красиво и

ободряюще. Но нужно торопиться. У него в голове будто мокрая тряпка прохаживается — там с каждым днем все менее пестро, все более серо.

Малов принялся было обрабатывать решетку окна коронкой зуба и свивать из сэкономленной туалетной бумаги веревку, даже пытался сигнализировать наволочкой от подушки наблюдателям из общества защиты животных.

И вдруг решил — хватит цацкаться. Диверсия, захват заложников, киднэппинг, надо показать серьезный мужской подход.

И в означенный час нечто, похожее на разладившийся автомат, ворвалось в ординаторскую, где дежурил врач Куценко и, грузно навалившись со спины, принялось вязать докторские руки, приговаривая: «Тебе — каюк. Сейчас наступит, долго мучиться не будешь». Маленький доктор однако не растерялся, будто предвидел такой выброс злой энергии. Он, уйдя чуть вниз и вбок, ткнул громилу острым кулачком в пах, а потом резко выпрямившись — острым затылком в нос. Находясь в сильном затемнении, агрессор стал выдавать удары, которыми можно было уложить и быка хороших размеров. Но доктор аккуратно уходил от немилосердных кулаков. А затем подловил момент. Когда озверевший налетчик хорошо открылся, Куценко сделал захват руки, и, вывернув кисть, направил его тело в стену.

Впрочем, отчаянно борющийся киднэппер сумел немного свернуть и попал в стеллажный шкаф. Тот превратился в обломки и осколки. Спирт покинул разбитые колбы. Почуяв его запах, распоясавшийся злодей заревел как динозавр, который упустил вкусную добычу, и чиркнул спичкой. Той самой, прибранной со стола доктора.

Голубые огоньки сразу украсили руки и спину Малова. Чтобы избавиться от язычков пламени, он кое-как поднялся на четвереньки и, в обрамлении деталей шкафа, стал скакать по комнате, оставляя красные лучи от порезанных рук и коленей. Малова вынесло в коридор, но он не слышал топота ног, сотрясающего пол. Затем плотная материя облепила его, как земля покойника. Боль брызнула и замерла, покачивая ядовитыми головками. Он разглядывал их, а игла хозяйничала в его заднице. Боль унялась резко, ее сдернули как пенку с молока. Но вместе с ней ушел и воздух, будто Малова подсоединили к мощной помпе.

— Выключите насос, черти,— беззвучно орал он.

Насосы и черти были не при чем, химия поглаживала его дыхательный центр и щекотала клеточные мембраны, а потом погасила импульсы в коре и подкорке мозга. В покрывших мозг

потемках и молчании появились неизвестные враги. Идя вглубь, они изводили смертным ядом все мешающее им и не трогали то, что доставляло им уют.

Малов открыл глаза, сфокусировал взгляд и сказал:

— Любая работенка у вас ладится, завидую. — Исидова орошала какой-то жидкостью его ожоги. Как всегда ее действия были умелыми, но почему-то особо смахивающими на работу с неодушевленным предметом. Надо было срочно избавиться от обиды на старшую медсестру. «Вы хотите, чтоб я стал частью многоголовой твари под именем «здоровый коллектив», вы это получите».

— Знаете, Исидова,— Малов приподнялся и облокотился на подставленное ею плечо,— я, кажется, вполне поддаюсь лечению. И теперь приступаю к оздоровительной процедуре.

— Какой-какой? — не поняла дама в белом.

— А вот такой,— Малов сжал кусок чего-то сытого холеного из исидовских телес и швырнул ее на пол. Она, бледная, всхлипывающая, попыталась заползти под топчан.

— Вы серьезно облегчили мою работу, я люблю темные места,— и нырнул следом.

Под топчаном завозились, торчащие наружу четыре ноги исполнили незатейливый танец. Потом ненадолго все стихло, и наконец, лежак перевернулся. Показалась яростно чихающая Исидова.

— Вы заплатите за это.

— Мы не в магазине, ваше замечание неуместно,— отозвался с пола Малов,— особенно после того, что между нами произошло. Не будете же вы говорить, что израненный больной человек с успехом покусился на вас. Нет, вы скажете, моя несравненная (в масштабах больницы): это была любовь на поле боя. В самом деле, ожоги горят, ужасть, почти как следы от ваших поцелуев.

— И не пытайтесь, лысый болван, догадаться, что я скажу и сделаю,— фыркнула Исидова, поправляя халат, прическу и еще что-то. — Вставайте же, не могу я весь день с вами возиться, через четверть часа инструктаж доктора Козлова.

А у Малова защемило сердце. Не от страха. Он знал наверняка, Исидова сейчас как ни в чем не бывало займется его ожогами. Просто он почувствовал

— что-то смылось безвозвратно. Малов прикинул, что это было, но так и не смог понять. Всю ночь он ворочался из-за холода снаружи и жара внутри, а наутро заметил, что его ногти заметно подросли, посерели и несколько заострились.

5

У журналиста-интервьюера были плохие почки — Иванов ставил непрошенный диагноз, глядя на его набрякшие подфарники. Из руководителя проекта доктора Козлова лилась плавная речь. Биокибернетик Григорий Иванов наблюдал за беседующими по институтскому монитору.

— …Когда вы вдруг узнаете, что некто собирается вас пришить, то, скорее всего, не надеетесь на собственные силы — вы же не профессионал. Вы нанимаете другого душегуба, который отдал весь сердечный жар на совершенствование в своем мастерстве. Он-то подстережет и укокошит своего коллегу.

— Ага, вы — тот самый другой убийца. Верно я угадал? — решил «подмахнуть» журналист.

— Неверно, попали пальцем в попу. Это не я, а ОНИ. Наш дружный коллектив загнал-таки сказку в жизнь и создал биоавтоматы на основе широко известного вируса гепатита В. Зашил в его генетическую программу одно ограничение. Из-за чего он жить и в меру размножаться сможет лишь в той химической среде, которая имеется внутри совершенно здорового организма. Для особо одаренных повторяю — здорового. Действие любых патогенных факторов (я про всякий вред и яд), относятся ли они к вирусам, микробам, пораженным клеткам, изменяет химизм среды. И наши вирусы-защитники, З-вирусы, будут биться за его постоянство, за его равновесие, потому что это необходимо для их выживания; драться с привлечением всего эволюционного механизма. Когда же наши маленькие друзья вычистят из человека всю гниль, он прекратит разлагаться как физическое тело. Но не только. Начнет оздоровляться и психика. В итоге мы получим полноценного гражданина, который с песнями включится в процесс общественного развития. Текст песен нынче уточняется.

Доктор Козлов удовлетворенно откинулся в кресле, пуская блики от очков на журналиста.

— Прессе было сообщено, что в опытах принимают участие одиннадцать добровольцев,— стал тянуть на более твердую для него почву журналист,— можно с кем-нибудь потолковать? — и продолжил, давясь лукавством. — Доктор, это точно не обезьяны?

— Если и обезьяны, то такие, как мы с вами, молодой человек. Вы их получите, но вас будет разделять тонкая стеклянная переборка; передача голоса по проводной связи. Также можно читать по губам. Надеюсь понимаете, насколько важна для наших пациентов изоляция.

На добровольцев было бы приятно посмотреть даже в пункте вербовки в десантные войска — здоровые, румяные, спокойные. Было видно, что их ничего не гложет, что они благодарны доктору Козлову и законодателям, обеспечившим их спасение и первоочередное вживление в симбиотические киберсистемы. Их ответы удовлетворили бы любого государственного мужа. Дисциплинированность, социальная ориентация, субординация.

Нам нужны такие люди, несколько раз про себя повторил Иванов. Полноценные, а не какие-то обрубки. Здоровые руки, ноги, голова, желудок, кровь. Здоровый дух. Люди, которые не вымещают свою боль и уродство на других. Которые могут, а не только хотят. Крупные вожди и злыдни более мелкого калибра были физиологически неуравновешенные людишками — изъеденные мозги, отсохшие конечности, горячечная кровь — отсюда их маньячества, паранойи и разнообразные преступления. Они мстили миру за свою ущербность, даже когда достигали всего. МЫ отныне и навсегда прекращаем производство физических и моральных уродов!

Журналист уже пресытился однообразием и гладкостью. Успешный репортаж близился к концу, но отчего-то не мог Иванов зажмуриться от удовольствия. Вовсе не потому, что кто-то другой посмотрит мудрым проницательным взглядом с экранов и глянцевых журнальных обложек. Те, кто разбираются, знают роль Иванова. Дело было в ином. Добровольцы оказались все, как один, тупы. Скучные неразличимые будто вокзальные пирожки. Ни одного меткого слова или замысловатого сравнения, никаких домыслов по поводу медсестер, сомнений в мудрости медицинских вождей. Только штампы, устойчивые обороты, прописные истины, тоскливые паузы на месте исчезнувших матюгов. Стерильность тела — стерильность мышления? Неужто так?

Конечно, добровольцы могли быть «дубками» изначально. Конечно, у них мог спрятаться язык в задницу из-за наставленных видеокамер. Но Матвей Малов никогда не страдал словесным запором. Тем не менее, тусклая маска принадлежала пациенту с известной фамилией на пижаме.

Они с Матвеем происходили из одного пованивающего, неумытого, визгливого дома со смешанным населением из людей, кошек и крыс, состояли в одной ватаге драчунов-качков.

Малов являлся к нему в университет и, если Иванов не умел ссудить приятелю на «согревающие напитки к зиме», переходил в психическую атаку. Предлагал жриц Астарты согласно «голым» фотокарточкам на выбор. Этот номер не проходил и тогда Матвей просто начинал хлебать из всех попадающихся пробирок, даже

если в них плавал вибрион имени Коха или павшая на алтаре науки ящерка. «Тебе кто дал право микробов мучить? — слышались бичующие вопросы приятеля. — Ты не смотри, что они маленькие. Ты и сам маленький был, эмбриончик-живчик не больше микроба, а к тебе и папа-мама и правительство уважение имели. Ты митохондрию, небось, знаешь? Она тебе жизнь согревает, а ведь по социальному происхождению — вчерашний микроб. Мы ответственны за тех, кого приручаем. Ты бацилл погладь по жгутикам, и они тебя любить будут. А пока что ненавидят они твое утонченное зверство и ходишь ты постылый».

Нет, Малов не мог растеряться и разнюниться. Он просто отупел. Как и все остальные.

6

— Что значит отупел? — Козлов достал папку. — Я вот тоже не блистаю, но стал же главврачом. А ты хоть и большой ученый, но чавкаешь за столом. Малов, к тому же, опять прихворнул и ничего тут не попишешь. Гриша, успокойся, твоя вакцина спасет весь мир и его окрестности, но успех на сто процентов — это ведь даже неинтересно. У Малова поражение инфекционного характера, отсюда заторможенность, вялость. Вот тебе фотокарточки любимых.

Доктор кинул папку с данными микробиологических анализов, но биокибернетик не поймал ее и бумажки усеяли пол.

— Гуляй среди этих цветочков, да собирай букетик, если они тебе нравятся… Или давай лучше сыграем в шашки-шахматы, побалуемся кофейком.

— Staphilococcus aureus,— услышал Иванов свой голос и удивился его тусклости,— а гноеродность слабая. Определен лишь по антитоксинам из сыворотки. Ничего себе, «Малов прихворнул», микроб же ему в мозги пролез. Необычный какой-то микроб.

— Все-то тебе подавай суперстар. Самый обычный. Убогий, хотя и золотистый стафилококк. Не ожидали, что подгадит в мозгах, это факт. Да не удивляйся так, Гриша-друг. Ты ведь не врач. Ты — биокибернетик, который имеет дело только с кнопочками на компьютере. Тебя нюансы не интересуют. А получилось так, что иммунитет забуксовал раньше, чем включились на полную мощность защитнички. Иммунитет как Илья Муромец решил, что он на печи уместнее, раз его коллеги, З-вирусы, на заставе стоят.

— Тут написано, что воспаление локализуется,— словно оправдываясь, произнес Иванов. — Вы, наверное, лечите Малова, вводите ему гаммаглобулин, сульфаниламиды и такое прочее.

— Ничем мы не лечим, Гриша. Немного ведь было толка для Малова от сульфаниламидов и антибиотиков. Да и должна соблюдаться чистота эксперимента. Однако, воспаление уже проходит — это чистая правда. Наши драгоценные З-вирусы хотя и не слишком поторопились, но все-таки кинулись в бой. Твоя добродетель ничем не оскорблена.

— «Лучше поздно, чем никогда», как заявил один умный человек в старом анекдоте, кладя голову на рельсы после достаточного удаления поезда.

— Гриша, у тебя вид человека, который целые сутки просидел в сортире. Надо жить весело. Запомни и передай другим — твоя

вакцина сработала и на этот раз,— Козлов выпустил воздух сквозь ротовую щель, словно учитель, измученный воспитанием трудного подростка. — А теперь, извини, время нашего свидания истекло. В моем меню: игра в пятнашки с директором и на десерт инструктаж персонала.

Иванов от доктора направился не к выходу, а в свой кабинет. Служебное помещение в отличие от квартиры биокибернетика было весьма привлекательно своим уютом. Предыдущий владелец кабинета, эстетская натура, не отступал с боем с этой территории, не производил эвакуации так, «чтоб ничего не досталось врагу». Его слишком внезапно вынесли вперед ногами. «Но комфорт продолжает поддерживать»,— пошучивал Козлов.

Биокибернетик, возложа ноги на дубовый стол стиля «советский ампир», стал определять этапы большого пути — того, что похоже ведет в ад.

«Козлов дал мне деньги, независимость, время. Все, что нужно умному человеку. Да и не только умному. Это меня извиняет, хотя доктор заранее предупредил — работа связана с новым законом.

Козлов — бес, у него и «обложка» соответствующая — тощий, ушастый. Отсюда бесовские способности и энтузиазм. Он почуял еще не родившиеся из моей мечты З-вирусы, потом взлелеял их на своей груди.

В генетическую программу З-вирусов была вмонтирована большая нелюбовь к недугам. Любая хворь бьет «защитников» по кровному, биологическому. Но З-вирусы отчего-то не бросаются на болезнь, они терпят пагубный химизм, мертвеют, не плодятся, разрушаются. Вот когда хвороба как следует погрызет человека, тогда уж и они подключаются со своими услугами. Уж извините, такую программу мы в З-вирусов не закладывали. Но ведь у них и своих генетических матриц хватает, те могли возбудиться, не спросясь нас.

Козлов должно быть заначил главные материалы обследования Малова. Его кабинет на замке, но под моим, ниже этажом. Иногда мы даже переругиваемся. Если материалы в сейфе — швырну с восьмого этажа и он расколется — внизу-то бетон. Я успею добежать до него раньше любого прохожего. Пускай только сунется мне кто-нибудь поперек, разорву от головы до седла. Но сперва спущусь по веревочке и ать в окошко, которое у Козлова сейчас открыто. Вместо веревки, кстати, будут связанные портьеры. Даешь новый вариант картины Репина «Не ждали»!

Иванов быстро ощутил, что он не альпинист.

На каждом этаже имелся карниз-козырек, один из них и заставил биокибернетика болтаться над подсасывающей пустотой примерно в метре от желанного проема в стене. Иванов чувствовал — стоит ему бросить даже скользящий взгляд на полоску улицы внизу, и руки разожмутся сами собой. Не был он уверен и в батарее, к которой присобачил портьеру — в последнее время все делают на соплях, «на живую нитку».

Чтобы попасть в окно, надо было немного раскачаться и в точке максимума ухватиться за подоконник Козлова. Рано-поздно, рано-поздно… И вот — рывок, ноги зависли в пустоте — одна рука на подоконнике, вторая вцепилась в портьеру. Земля потянула к себе, но отчаянно ищущим носком Иванов нащупал какую-то трещину в стене и перекинул вторую руку на подоконник. Теперь лишь бы пальцы не подвели.

Иванов перевалился, забодал головой пол, стены поплыли от сотрясения ума. Когда биокибернетик, наконец, вспомнил о своей задумке, ящики вылетели из стола, бумага взорвалась и запачкала белыми хлопьями воздух. Запертый шкаф был изуродован отнятой у стула ножкой.

Нет, нет и нет. Значит, в сейфе. Иванов решительно подступил к нему… но тут заметил что-то вроде тени и уклонился вправо. Там, где только что была его голова, мелькнул графин и искрошился в хлам о стальной ящик. Иванов в полупадении-полуповороте увидел чьи-то ноги и сделал грамотную подсечку — один башмак зафиксировал чужие пятки, второй ударил по голени. Атакующий повалился в бумажную траву. Однако, когда Иванов вскочил и пытался влепить ему острым носком между ребер, тот словчил и, кувыркнувшись назад, поднялся.

— Никакой слежки, Иванов. Просто я забыл свою записную книжку и перед инструктажем решил зайти за ней. Извините, что помешал,— главврач Козлов сделал книксен. — Но вообще-то я шокирован до кончиков штанов. Ах-ах-ах. Увы, ты такой же негодяй, как и я.

— Хотелось бы увидеть на снимках, как взаимодействуют З-вирус и стафилококк.

— Да как мы с тобой, Иванов, поцапались и разошлись…

— Учти, лекарь. Сейчас разыграется безобразная сцена. Подумай о материальном и моральном ущербе. В лучшем случае ты лишишься веселого выражения лица.

— Я знаю, чего ты на самом деле хочешь, Гриша. Ты хочешь упасть. — доктор Козлов махнул ногой, показывая, что собирается зацепить коленку Иванова, но ограничился лишь шажком вперед, а уж затем направил башмак в район

неприятельского уха. Биокибернетик уловил траекторию, нервно отшатнулся. Какой-то венский стул сделал ему подкат. Однако ученый вовремя запрыгнул на сидение и, соскочив со спинки, отправил предмет обстановки в Козлова. Так, чтобы снести голову. Но доктор пригнулся и стул, пообщавшись со стеной, превратился в груду деревяшек.

— Гриша, кажется, мы с тобой выступаем в разных жанрах. У меня каратэ «сетокан», а у тебя какая-то вольная пролетарская борьба,— неодобрительно произнес Козлов. И напряженка спала, будто разрядился конденсатор.

— Пожалуйста, дай мне снимки,— раздался вежливый голос Иванова.

— Я все ждал, когда ты попросишь меня по-человечески, дурашка ты невыносимая.

Иванов хватанул протянутый конверт, отступил на три шага. Козлов, рисуясь словно перед газетчиком, стал комментировать.

— Ничего нового тут не увидишь. З-вирус, вернее, его гаденькая ДНК, пропихивается в нежное тельце бактерии, ну и встраивается в ее генный аппарат. Микробушка не дохнет, а просто становится вреднее. Изрядно погнуснев, он отравляет и разрушает популяции нейронов, отвечающих за самую высшую нервную деятельность, а именно творческую активность. Потом, З-вирус, поселившийся в стафилококкусе ауреусе, гибнет жалкой смертью вместе с хозяином от рук своих же братьев. Я вижу, Гриша, по гримасам твоего выразительного лица — ты желаешь что-то добавить.

— Да, желаю. З-вирус с той и другой стороны. Работает вначале на болезнь, потом на исцеление. Как такое называется? Системный фактор. А еще точнее макроорганизм, извините за словцо. Этот самый «макро» сидит в тех частях вирусного генома, которые мы не трогали. Они сами «тронулись».

— А ты, Иванов, не тронулся? Скоро уже дым из башки пойдет.

— Макроорганизм поточнее чем мы определил причины, которые будоражат и портят химизм. Итак, мысли и душевные выплески, особенно на уровне выше среднего, были приравнены к болезненным проявлениям. И вот «макро» вполне изощренно превращает голову в горшок с дерьмом. При этом даже часть вирусов приносится в жертву ради торжества общего дела.

— Да, я признаю «свободу звука» — за что боролся, на то и напоролся. Но ты перебираешь. — Козлов утомленно зевнул. — А у твоего «макро» косая челочка и имя Адольф? Или, может, он в кепке, картавит и зовется Ильичем?

— Он — мастер своего дела. И после того как он восстановит

«равновесие» гражданину, тот поздоровевший и зарумянившийся, оказывается многоквартирным домом со всеми удобствами для коллектива З-вирусов.

— Ну и что, Иванов? Открыл ты Америку через форточку. Мне все это известно и без твоих бойких высказываний. Но ты, с простотой достойной мальчика-дебила, думаешь, что можно просто сходить к начальству и сказать: извините, поторопился. Миллионы ваши порастратил, но это бывает. Одиннадцать молодцов сделал дураками и носителями страшной заразы, но от таких тоже польза науке. Объявишь, что отрицательный результат — результат не хуже других. И теперь, мол, до свидания, целую, и помашешь ручкой. Да только твою ручку возьмут две «гориллы» и завернут поближе к затылку.

— Пускай. Но мы ведь как на звездолете, команда которого не знает, в какую сторону летит.

— Пускай летит к любой звезде, п…, лишь бы только не горел синим пламенем,— заорал Козлов. — Нельзя быть таким эгоистом, Гриша! Мы сделаем умно, надерем и З-вирусы, и начальство, как щенков. Будем тянуть время, деньги и разбираться с теорией. Если даже не найдем способа покончить с защитничками, то хотя бы успеем провернуть пару интриг и зайти начальству в тыл… А ты отдохни, вот что. Наверное, знаешь на ком? У тебя, кажется, наладился контакт с Исидовой. Извини, что я в курсе всего — просто у меня везде мониторы. Что с этой засушенной воблой стало, не понимаю, нынче она — просто Венера из колбы. Дерзай дальше, тютя.

Иванов чуть не начал спорить, но вынужден был согласиться. Год, считай, отвечала дамочка на его пошучивания деревянными взглядами, а позавчера, когда ему пришлось задержаться за расчетами, вдруг… Явилась в вычислительный центр — «поучите-ка меня своей биокибернетике, Григорий» — а щека все ближе, а халат сверху и снизу приоткрывается. Духи какие-то дурманящие, и кожа глянцевая — его прямо передергивать стало. Не удержался, положил руку ей на талию, думал разорется дамочка, прогонит. А тут она такое сделала своей рукой… В общем, уже не остановиться было. Он, когда штаны застегивал, почему-то «извините» сказал. Зря он, конечно, эмоциям поддался. Лишний козырь Козлову дал.

7

На столе главврача Козлова слегка трепетала от сквозняка бумага, которая только что поступила из одной городской больницы.

«…Иванов Г.Р., 37 лет, скончался у себя дома приблизительно в шесть утра. Тело обнаружено родственником два часа спустя. Произведенное вскрытие показало, что смерть наступила вследствие обширного инфаркта миокарда…»

«Допрыгался, ученый. ОНИ сделали из него труп. Должно быть первый в шеренге. Пал ты, Иванов, зато доказал, что ОНИ улавливают любое вредное для их дела шебуршение в башке по одним лишь химическим изменениям. Последнее достижение «защитников» — инфаркт. Достаточно небольшого сгустка чужеродного белка в миокарде, и автоволновой сердечный процесс будет разбит вихрями-реверберaторами. А что для защитничков синтез белка? Внедрились в геном клетки и пошли молотить.

Иванов не знал, что он инфицирован. Хотя контактировал половым способом с гражданкой Исидовой на столе промеж двух компьютеров. Получается, не он ее, а она его поучила биокибернетике. Впрочем, Исидова, когда занималась любовью с пациентом Маловым под диваном, тоже не знала о заразе. Какая прямо-таки революционная романтика в этих связях! Не догадывался об том и я, потому что наш вирус не должен был пробираться половой стезей. Проникающие способности малышей оказались выше, чем те, что были зашиты в генетическую матрицу.

Итак, малыши все резвеют. А значит, с добровольцами пора кончать. Рецептов тут много, взрыв какой-нибудь, например, или небрежность медсестры. Может же девушка не тот препарат вколоть — девушки такие ведь невнимательные, просто ужас. Задействованных врачей тоже в холодную отправим. Сам смоюсь. Надеюсь, я еще не… Ты, дружок Иванов, подкинул бы из своего таинственного «может быть» пару толковых мыслей. За мной не заржавеет. Того будущего вируса, исправленного и полезного, обязательно назову твоим именем.»

8

Экраны мониторов в кабинете доктора Козлова были как всегда включены, он, застыв как паук, терпеливо смотрел и слушал. Запас слов у добровольцев изрядно отощал, зато беспрерывно скакали у них дельта-ритмы и посверкивали глазенки. Должно быть, общались они, в основном, по «своим» каналам.

А еще в их дневной распорядок регулярно входили «пятиминутки бешенства». К чему персонал готовился загодя. Санитары в щитках и шлемах разгоняли дубинками вертлявых «больных» по боксам и сажали на цепь. Какой-то вид полового психоза? Но каждый из добровольцев мог открыто любить свою «надувную подругу». Или, вдруг, пациенты тут не причем. Просто товарищи вирусы питаются энергией стресса, энергией расщепления ацетилхолина, адреналина и прочих гормонов.

Изменились добровольцы и внешне — прихорошились будто для прессы. Одни стали тощие, с выпирающими носами и зубами, почти без живота. Так и хочется сказать им — снимите маски — но они уже сняли. Ноги почти как у кузнечиков, мышцы что стальные тросы, миофибриллы длинные как проволока. У этих тощих и быстрорастущие ногти с металлическим отливом.

Между прочим, поварихи жалуются, что частенько ложки пропадают, уж не становятся ли столовые приборы жертвой наглого аппетита? Тощенькие пациенты хлебали чай корытами, но из жратвы признавали разве что кашу с сахаром, а то и сидели на капельнице с глюкозой — кишечник явно у них съежился. Любимым их развлечением было плевание на дальность, от стены до стены.

Добровольцы другой породы, напротив, приближались по облику к пузырям. Были они жирные, мало подвижные, с головами облезшими и опухшими от избытка жидкости, выводящейся под кожу. Лимфатические и кровеносные системы этих выдающихся во все стороны личностей смахивали на водопровод. Толстяки харчили все подряд. Кстати, от их пальчиков железяки даже намагничивались. Альфа-ритм у «пузырей» все пытался спрямится как у форменных идиотов, а дельта-ритм, наоборот, выделывал немыслимые курбеты. Это намекало на тяжкий труд подкорки. На мощную «бессознательную разумность». Хоть каламбур получился, но так оно и есть. Бессознательная разумность сменила сознательную неразумность. Эх, сделать бы трепанацию. Впрочем и без пилы кое-что ясно.

Наконец, оно случилось — отметил доктор и зафиксировал у себя удовлетворение. Столько тысяч лет бабы с мужиками, монголы с германцами, аристократы с плебеями, умники с дураками становились все более похожими друг на дружку. И физически и умственно. Все старались самовыражаться, валять дурака и рефлексировать. Как вдруг пошел обратный процесс.

Эти тощие попрыгунчики с металлическими ногтями явно тянут на касту солдат. А жирные большеголовые товарищи — на хранителей информации, что ли? По крайней мере тощие относятся к «пузырям» с видимым почтением, по башке не бьют. Эх, не зря мы с Ивановым накудесили. Приятно, но страшно. Чуток успокаивает тот факт, что наш министр макает сейчас отпускную попу в теплое море, а отравленный колбасой директор блюет в какой-то образцовой клинике.

В дверь кабинета поскреблись.

— Никого нет! Доктор уехали,— откликнулся Козлов кряхтящим голосом уборщицы.

«Но зачем малышам все это надо? — он опустился снова в мутный поток сознания. — А если З-вирусы так увлеклись своей работой, что и застопориться никак? Тормоза-то мы, к сожалению, не предусмотрели. Защитнички просто занимаются нормализацией и уравновешиванием. На первой стадии защитнички «уравновесили» психику, убрав из нее как заразу все крупные сильные мысли и чувства. На второй стадии люди были поделены на породы и касты: рабочие, солдаты, хранители информации. Мысли из расстройства мозга превратились в спокойную инстинктивную деятельность. Все теперь полностью уравновешено, у каждой особи свое место в макроорганизме, каждая стал функцией и органом.

— Сейчас я спасу вас от проблем,— в кабинет вступил врач-интерн Куценко.

— Я вашим мнением еще лет сто интересоваться не стану. И вообще для человека, таящего погоны под белым халатом, вы просто нарушитель воинской дисциплины. Смотрите, на «губу» отправлю, поменяете стетоскоп на метлу.

— По военной линии вы для меня ноль, товарищ главврач, так что будем считать, что я просто нахал.

— Пожалуй, Куценко, между нами есть что-то общее. Что вы имеете сказать, как выражаются наши южные друзья?

Молодой доктор чихнул. Очень мощно. Совершенно не заслоняясь. Видно было как полетели капельки. Нос у него был какой-то распухший и синий. Похожий на тот, что у тощих пациентов. Подражает, что ли?

— Во-первых, Куценко, человечество изобрело носовые

платки, специально для таких сопливых как вы. Во-вторых, я надеюсь, ваше самовыражение на этом прекрасном чихе закончилось. Или же скоренько кладите свои козыри картинками вверх.

— Мой главный козырь — дело полного выздоровления,— блеклым голосом затрындел Куценко. — Здоровье не должно быть уделом одних и не дойти до других. Вы задумали так — нормализовать маргиналов, всех этих бомжей, алкоголиков, венериков, террористиков, художничков, поэтишек, крайних индивидуалистов, чрезмерных коллективистов, всех, кто оказался на дне по любой из причин. Решили превратить этот сброд в такую культурную, такую идеальную среду, что-то вроде теннисных шариков — катай их в любую сторону, бросай об стенку, тряси. Но кто будет управлять нашей продукцией, кто станет использовать оздоровленных нами людей? Опять же больные личности.

Козлов нажал на кнопку вызова санитаров. «Сейчас Куценко будет размазан по ковру и не получится из этого дурилки предводителя народных масс». Однако, ни топота ног по коридору, ни мигания лампочек.

— Я вас понимаю,— сочувственно произнес Куценко. — Прежде чем договориться, две стороны должны показать свои подлинные силы. Нет ли блефа. Ваши силы я когда-то переоценивал.

— А сейчас может все-таки недооцениваете? — зарябил лукавством доктор и вынул из кармана пистолетик «Беретта М-30» калибра 6,35 мм. — Ну, какие у вас еще есть аргументы?

— Вот такая маленькая штучка,— задумчиво протянул Куценко.

— Из-за нее наш разговор на сегодня окончен.

— Боюсь, что нет,— включился мерный голос сестры Исидовой, и между третьим да четвертым грудными позвонками доктора Козлова потерлось что-то твердое и холодное.

— Я выстрелю раньше, шеф. При все моем уважении к вам.

— Ах, какой чарующий аргумент. И убедительный притом. Даже железо в ваших руках, сестра, становится ласковым. А посему я думаю,— сказал Козлов, бросая оружие на стол и демонстративно отряхивая ладони,— что разговор зашел не в ту степь из-за нас с Куценко. Из-за нас обоих. Надо снять установку на соперничество, кончать с этими ненужными мужскими выкрутасами.

— Ну, наконец, в вас заговорил ученый,— Куценко взял пистолет, шутливо сказал: «Паф», направив его на доктора, а потом спрятал «Беретту» в карман. — Расслабьте, шеф, все

мышцы, исключая сфинктер.

Сестра Исидова встала рядом с Куценко. Свет лампы, не замечая халата, прорисовывал четкие очертания ее фигуры.

И тогда главврач увидел следы порезов, а может даже укусов у докторишки. В районе ключицы. А у сестры, стоящей в полумраке за торшером, глаза мерцали как у кошки. Светоулавливающий слой, помогающий ночной охоте.

— Между прочим, Куценко, не мешало бы вам научить Исидову стриптизерству, чтобы она рекламировала своим телом ваше дело.

— Итак, шеф. Следите за моими губами. *Равновесие*, оно же здоровье, должно придти ко *всем*. Добровольцы в ближайшее время покинут изолятор и разбредутся кто-куда. А далее что, как вам кажется?

— Мне уже не кажется. У вас в глазах все написано, мой маленький друг. Массовая вакцинация населения З-вирусами — вот ваша голубая мечта.

«З-вирусы хотят жить во всех. Достаточно чиха, пука, половой процедуры — и вирусная программка ввинтилась в генетический аппарат ближнего твоего. Эти двое — уже чужаки. Расчеловеченные люди. Нелюдь. Какая-то у них там уже идеология вызрела. Поскольку у Куценко нос вечно сопливый, то идеология, наверное, называется «соплизмом».

— А если я откажусь, друзья?.

— Укушу,— улыбка Исидовой была вполне притягательной.

— Надеюсь, сестра, после местного обезболивания.

«Это шутка — правда. Всеми фибрами души ей хочется кусаться. Ну, а что такого страшного? В их здоровом обществе даже культура останется. Только акцент будет перенесен с половой темы на гастрономическую. Герой пока еще ненаписанного романа на трех сотнях страниц будет стараться героиню пленить, а на триста первой она его сожрет после копуляции. Певец как и нынче споет: «я хочу тебя», но добавит чавкающим баритоном: «скушать даже без гарнира».»

Исидова раскинулась в кресле. Колено совершенно глянцевое, как бильярдный шар. И аромат. Ну и духи! Даже французам такие не потянуть. У Козлова кое-где заекало, особенно в одной определенной части тела.

«Вот и «уравновешенная» Исидова явно стала представительницей еще одной касты, касты соблазнительниц.»

— Товарищ главврач, я могу вас оставить наедине со старшей медсестрой. Наверное вдвоем, вы как старые товарищи, сможете запросто придти к взаимопониманию,— предложил Куценко как-то по тараканьи щуря усами под сопливым носом.

«Для Куценко совершенно нормально предложить свою бабу кому-то в пользование — если того макроорганизм требует… Конечно, интересно узнать, в чем проявляется биологическое совершенство касты соблазнительниц, но придется воздержаться — я не хочу прослыть человеком, заразившим весь мир изо своего тряхомудия». — Козлов прогнал сильнейший соблазн, представив Исидову в виде лежалого трупа.

— Нет, пожалуй, мы потанцуем потом, без вашего присутствия за дверью.

Доктор Козлов поднялся. Подошел к сейфу, который уронил еще Иванов.

— Давайте-ка, юноша, поднимем этот ящичек. Он того заслужил. Внутри него таятся магнитные ключи практически от всех помещений. Хватайтесь тут, а я там.

Козлов наклонился, следом согнулся и Куценко.

— А теперь тяните на себя, вверх, легко, непринужденно, словно вы тащите девушку…

Вдвоем они приподняли сейф наполовину, затем Козлов, резко отпустив свой край ящика, одной рукой направил голову Куценко в стальную поверхность, другой проник к нему в карман. Молодой специалист крепко приложился лбом к металлу и уже обмяк, когда сейф рухнул ему на руки. В этот момент Исидова бабахнула из своего крупнокалиберного пистолета по главврачу, который попытался спрятаться. Увод ствола у такого мощного оружия оказался существенным. Пуля скользнула по ящику и усвистала в стену. Следующий выстрел был за Козловым. Металлический комочек со смещенным центром тяжести швырнул старшую медсестру на пол. Доктор перешагнул через вытянувшиеся ноги Куценко, наклонился над Исидовой. Красное пятно словно выплывало у нее из груди.

— По-своему красивый финал красивой женщины. Я буду тебя вспоминать.

«Маленькая штучка» еще раз прыгнула в руке — специально для казни Куценко. «Всего хорошего, молодой специалист. Хорошего, надеюсь, для меня»,— усмехнулся доктор и слегка опечалился своим первым убийствам.

«Впрочем, борьба видов — это суровая штука»,— самоутешился он, сдул дымок с дула, поправил галстук и выступил из кабинета.

В пультовой его встретил неприятной улыбкой изъеденный труп оператора Евсеича, которого грызли не слишком долго, но целенаправленно. Неужели Куценко и в этом отличился?

Экраны показывали странную жизнь обеих палат. Два бокса были затемнены — очередные неисправности с камерами. В

девяти просматриваемых боксах пациенты занимались своими обычными делами. Кто раскачивался на койке, кто мерил шагами пол. «Потерпите немного, ребятки. Я знаю, как вам помочь, так чтоб никто не обиделся»,— шепнул главврач.

Свет лампы неожиданно потеснили две тени. Доктор Козлов успел обернуться. Две твари с руками, приподнятыми на манер крюков, бросились на него от двери. Они уже вынесли вперед свои левые ноги, причем пятками наружу, и распрямляли по дуге правые. Прыгнули как кузнечики, сразу метров на семь.

Два выстрела из «Беретты» разорвали воздух. Только одного попрыгунчика удалось срезать на лету. Доктор Козлов, не шибко соображая, что делает, приник к полу. Убийственная пятка второго «кузнечика» скользнула верхом. Попрыгунчик опустился позади доктора. Козлов резво откатился в сторону и в то место, где только что была его голова, ударил смертоносный башмак, образовав вмятину в паркете. Доктор жал спусковой крючок, лежа на спине, понимая, что если промахнется, то ступня оппонента расплескает его живот как студень. Именно поэтому он не промазал.

Козлов еще немного полежал, боясь спугнуть тишину и, наконец, стал подниматься, машинально смахивая пыль с костюма. Два звериных трупа валялись по обе стороны от него. Хотя, как сказать, звериные. В очертаниях морд угадывались лица спидоносца Никиты и террориста Пети. Да и в телах просматривалось сходство. Хотя животы, прилипшие к позвоночному столбу, говорили о прощании этих пациентов с человекообразностью.

«Куценко с Исидовой, покаранные изменники, выпустили на волю двоих добровольцев. Но девять остальных все-таки на месте. Вот они, голубчики, на экранах, ничего не подозревают о расстреле своих товарищей.» Козлов промокнул кровь с руки. Хоть красная жидкость не своя, а чужая, однако сполоснуть кожу было бы гигиенически верным шагом.

«Я сейчас войду на отделение, соединю несколько проводков на распредщите и начнется огненное представление. Конечно, чистой воды злодейство, однако теперь у меня алиби — в боксах сидят злодеи похуже меня.»

Доктор выбрал самую незаметную дверь, отпер ее магнитным ключом-вездеходом, который был снабжен всеми кодами-открывашками.

Козлов не оказался готов лишь к тому, что на отделении встретится с полным молчком и безлюдьем. Значит, минуту назад, по монитору ему просто крутили запись!

Значит, мутанты Никита и Петя давно слопали Евсеича

вместе с протеинами, из которых была слеплена память оператора. Мутанты из своей еды переняли навыки по управлению системой мониторинга! Вот она, инстинктивная разумность, на что способна.

«Хотите больше знать — ешьте сырыми знающих людей, и у них не будет от вас секретов!»

Доктор Козлов не смог совладать с чувством научного восхищения.

«Браво-браво, чудесные гомункулы, вы научились гастрономически перенимать память; расшифровать ее химический код с помощью желудка, и, наверное, съедая человека, по вкусу познаете его внутренний мир. Какие это сулит возможности системам высшего и среднего специального образования! Аморально ли это? По сути нет. Разве индейцы, откушав своих мухоморов, не видят замечательных орнаментов, основу самобытного искусства?

Как близок, однако, оказался макроорганизм к вековым чаяниям человека. Поневоле решишь, что эти новые генетические коды, прививающие разумный каннибализм, не такие уж новые и не такие чужие нам. Они просто были выбиты из наших клеток, когда мы еще лазали по веткам да гадили, где попало — и только в вирусах гепатита В сохранились до лучших времен. Мы упорно развивали психическое естество заместо биологического, но теперь все равно пойдем звериными людоедскими тропами. Не забывая, конечно, своих научно-технических достижений. И какой простой людоед потянет в состязании с профессором антропофагии?»

Восторг оттенялся грустью, потому что пациенты поголовно удрали. Кроме номера одиннадцать — интеллигентного воришки Гура.

«Если бегунки выберутся из здания, тогда хана в мировом масштабе». Доктор отправился к выходу из отделения и надо же — его магнитный ключ сработал, а дверь не захотела открываться. Похоже, что с той стороны ее заложили шкафом или повесили обычный амбарный замок. Выходит, движение доктора Козлова исправно отслеживалось недоброжелателями.

Доктор Козлов ненадолго заледенел от ужаса, но, растормошив себя специальными принятыми в карате «сетокан» конвульсиями, навестил бокс, где содержался Гур. На губах у пациента присутствовала довольная ухмылка.

— К вашему лицу, господин доктор, накрепко прилипло удивленное выражение. Как так, все любимцы смылись. Эх, Исидова, повернувшая заветный ключик, передержали тебя в стойле… Впрочем недолго длился твой заезд.

— Пациент Гур, с какой стати вы остались вполне… человеком.

— А почему бы и нет? Я остался вполне человеком, кто-то обернулся зверем, а вы, должно быть, превратились в птицу-стервятника.

— Но как так получилось, что вас ни уколы медперсонала, ни укусы товарищей не взяли? Я же вижу по физиономии — вы нормальный.

— Не слишком внушительный комплимент, господин доктор. Но вы мне все равно не поверите. Я с вашими малышами, З-вирусами, в хорошем контакте. Слышу их негромкий хор, сам подвываю. Вижу их — они словно бензиновые разводы на воде. И кажется, где-то внутри готовлюсь к их визиту. Мне даже порой мнится, что я просто подружился с ними. От их пения появляются во мне мысли, я бы даже сказал, рекомендации. Например, они насоветовали мне принимать кровь окружающих людей, чтобы приучать иммунную систему к своим мутациям.

— Пациент Гур, вы меня очень огорчаете как врача тем, что пьете всякую гадость.

— В любом случае порассуждать об алкогольных и безалкогольных напитках мы еще успеем. А сейчас я хочу вам помочь, поскольку все же в злодействах ваших чувствуется здоровая научная основа.

Они затворили двери палаты, причем неожиданный союзник из числа пациентов ловким движением прихватил с собой небольшой игровой компьютер — должно быть на память. И кастрюлю — из непонятных соображений. Козлов убедился, что у Гура нынче походка ночного животного, мягкая и стелющаяся. «Пожалуй, этот доброволец тоже изменился. Хотя отчего-то вирусы-защитники не покромсали его мозги. В нем осталось кое-что кроме бессознательной разумности.»

Проход между боксами, потом коридор, в него утыкается еще один проход. Несколько шагов, и опять аппендикс. Гур придержал главврача, принюхался. Козлов сразу напряг мышцы ног — было понятно, что-то не так.

Гур сделал шажок и в этот момент откуда-то из-за угла, но снизу, мелькнула плоская фигурка. Пациент отреагировал первым, но оказался слишком легок для столкновения, поэтому опрокинулся наземь. Впрочем, он успел в падении поддать носками под брюхо атакующей фигуре. От такого пинка у неприятеля ноги вместе с задницей взмыли выше головы. Поэтому и не случилось ему отреагировать, когда Козлов вломил рукояткой пистолета по бритому затылку.

— Вдвоем, кажется, у нас неплохо получается,— подал

реплику с пола Гур.

— Не думайте, что мне нравится так обращаться с пациентами,— нервно предупредил доктор,— вот даже настроение испортилось.

— На несколько минут. А у меня от вас, доктор, жизнь почти совсем испортилась. Ясно уж, вы бы предпочли, чтобы все пациенты исчезли моментально и без останков.

На этаже им уже никто не стал мешать. Гур подвел доктора к лифту мусоросборника. Козлов, взяв небольшую паузу, устроился вместе со своим новым компаньоном на платформе, которая незамедлительно двинулась вниз. По пути Гур то и дело ковырялся в коробке управления и стопорил движение. Но дверцы мусорной шахты на всех этажах были наглухо задраены.

— Пора вам учесть в своих соображениях, что наша траектория пролегает прямо в подвальный крематорий, куда собственно и обязан попасть всякий порядочный мусор,— напомнил доктор.

— Я много чего учел, теперь ваша очередь,— прервав движение между этажами, Гур стал шарудить руками по стене. — Здесь, в этой черной дыре все и решится.

Доктор включил фонарик, а пациент как раз закончил возню. Лучик света подкрасил сетевой кабель. Гур уже успел вытащить пожарный датчик и воткнуть в сетевой разъем учебный компьютер. Значит…

— Почему у вас обвисло лицо, доктор? Ну, да, да, бывал я здесь уже, посодействовал большому общему делу.

От этой фразы поведение З-вирусов показалось не таким уж загадочным. Гур-паскуда, вот тот неучтенный фактор, который все испортил. И с ним теперь придется дружить, никуда не денешься.

— А что вы хотели, доктор? Я боролся против, я не хотел кушать неизвестное снадобье через задницу. В первый день после вакцинации красный столбик в моем термометре прыгнул за сорок, я чуть не стал вареным яйцом. Но виду не показывал, играл в подкидного дурака и козла забивал. Потом притворился кретином, чтоб «как все» — нетрудно это было, улыбайся пошире, и все тут. Ну и как-то в полночь прокрался к мусоросборнику, да прыг в коробок. Не дал же медсестре по кокошнику, дождался пока женщина зазевается и отвернется. Правда, компьютер этот в качестве выходного пособия прихватил… Поехал вниз, потом догадался, что там выход только на тот свет, и лифт застопорил. Стал с горя шарить по стене и нашел этот самый сетевой кабель. Подключил компьютер. Система приняла меня за техническую неисправность, присвоила моему терминалу адрес. А затем

спросила у меня пароль. Я и набрал формулу фермента, сшивающего ДНК у вирусов. Вернее, кусок формулы. Оказалось, что не ошибся. А когда в банк данных прорвался, мне многое стало ясно.

— Да не могли вы, Гур, от балды подобрать пароль. Кто вам его сообщил? Кто вас вообще послал, ЦРУ или китайцы?

— Что за невежливые вопросы? Мы же с вами еще не в застенке. Отмечу лишь, что я когда-то трудился в генетической лаборатории, пока меня не спустили с лестницы за утечку ценных химикатов через мои карманы. Поэтому я немного соображаю в биокибернетике. А паролем, кстати, обычно становится то, что трудно забыть. В общем, я разобрался с целевой функцией вашего любимого вируса. И с веществами, за счет которых он капсулируется, проникает в клетку, пристраивается в ее ДНК. Ну и в конце концов освоил генетическую карту вашего героя… Не виноват же я, раз отомстить хотел. Короче, чтоб вирус до вас самих, экспериментаторов долбаных, добрался, заострил ему агрессивные способности. Всего-то понадобилось заменить пару ферментов…

— Да не учли мы, что по статистике на десять булыжников приходится один плевок, на котором поскальзываешься,— мрачно подытожил доктор. Затем уверенными пальцами ударил по детским смешным клавишам и, связавшись по паролю с программой утилизации отходов, дал команду «мусор не сжигать».

Платформа сползла еще ниже и остановилась над задернутой жаром плитой. Если бы все продолжалось в обычном режиме, открылся бы зев крематория, и платформа, развернувшись на 90 градусов, высыпала бы груз в пекло.

Чуть повыше плиты Козлов различил небольшой люк, через который в шахту могут проникать ремонтники. Первым полез Гур. Он выпростался наполовину, а потом резко нырнул вперед, как рыбка, которая хватанула крючок. Доктор поспешил высунуть голову. Но успел поучаствовать в действии лишь как зритель.

Мужик в комбинезоне, должно быть вахтенный техник, лупит железным прутом Гура по темечку. Но не тут-то было, пациент подныривает под локти техника и резко дергает их вперед. А следом зубы Гура опасно льнут к шее противника. Брызнув кровью, человек с прутом укладывается смирным телом на бетонный пол.

— Наверное, в вашем кругу вы не очень-то оригинальны, Гур. Но все-таки в наших кругах не принято кусаться без особой необходимости,— заметил Козлов.

— От кого я слышу. — Гур сплюнул красной струйкой. —

Зубы — оружие естественное, а, значит, прекрасное.

Главврач всмотрелся в трупное лицо. Похож на вахтенного техника Алексеева, но все-таки не он. Скорее отражение вахтенного Алексеева в кривом зеркале. Да это же мутант-людоед, который, сожрав техника, перенял его внешность, улыбку, даже прищур — все присвоил!

До чего прохладно тут, хотя и место знойное. Со страха знобит, что ли, или во время таких метаморфоз происходит поглощение тепла? И снова научный восторг захлестнул Козлова.

— Но где же сам Алексеев?

— Туда ушел,— Гур ткнул пальцем в дверцу крематория.

— Десять этажей, и на каждом жуть,— доктор искренне присвистнул. — Ладно, это минус, а плюс тот, что выходы из здания только внизу. Это очень мощные бронированные двери. На окнах же, вплоть до пятого этажа, решетки. Монстры монстрами, но им трудновато будет удрать. Коды-открывашки для дверей, в том числе самых мощных, меняются у нас каждую смену. А получить желанные коды можно только через компьютер.

— Добавьте еще: «Мне так кажется».

9

Пассажирский лифт пока работал. И на нем можно было добраться до компьютерного центра, если тот, конечно, еще находился на шестом этаже. С подземного этажа до пятого прокатились с ветерком, но потом-таки застряли. Козлов забрался Гуру на плечи, снял плафон, крутанул ручки верхнего люка. Но живой пьедестал вдруг зашатался и уронил главврача.

— Хлипкий вы человечишка, Гур. Я ж не вставал на пуанты,— упрекнул доктор.

— Да я не собираюсь ничего менять в комбинации. Разве что я теперь вступлю на вас,— загадочно отозвался Гур.

Пациент взял докторскую шапочку, и стал, отодвигая верхний люк, просовывать ее наружу. Но вдруг всполошился и, ухватившись за ручки, попытался закрыть образовавшуюся щель.

— Засада, доктор!

Гур тянул на себя крышку люка, которую кто-то хотел у него отобрать, Козлов же отчаянно закручивал болты. Наконец, можно было утереть пот и сопли с лица. Отбились.

— Слушайте, а чего вы так испугались? — осведомился доктор Козлов у пациента.

Вместо ответа два лезвия без особого шума прошили потолок лифта и заработали как ножницы, выстригая дыру. Сыпанув напоследок искрами, свет пропал из кабины.

— Теперь вопрос исперчен, а, доктор?

Да, Козлов окончательно понял, зачем пациенты сглодали все ложки на отделении. Изменившийся генокод руководил накоплением очень острого железа в ногтях, которые теперь уже стоило считать когтями. Сейчас доктор Козлов боялся, что хотя он узнал много нового, однако свежие сведения уйдут вместе с его свежим мясом в желудок хищного мутанта.

Козлов хоть и был некогда врачом в спецназе, никогда еще не попадал в коробок, который кромсают со всех стороны. Причем в темный и узкий коробок. Кто-то обзавелся мечами-ножницами, чтобы протыкать и резать пластик лифтовой кабинки как картон.

Вот лезвия идут на удаление докторской головы. Козлов уклоняется, ориентируясь по одному лишь ветерку, теряет клок волос с макушки и жмет спусковой крючок пистолета — совершенно зря. Тут же клинки протыкают стенку лифта чуть выше уровня пола. Козлов невнятно ощущает линию отреза своих конечностей и танцевальным прыжком спасает себя от ампутации башмаков вкупе со ступнями. Юркие лезвия достригают дыру вверху, к тому же они расчленяют и докторский пиджак вдоль

спины. В дыру входит сумрак. В нем выписана тень монстра, которая одновременно является самим монстром.

Гуру удалось прижать своим секретным оружием — кастрюлей — одну колюще-режущую руку, но вторая рука мутанта, с коготками покороче, тем временем продолжала располосовывать обшивку лифта. А затем стала опускаться, пытаясь кого-нибудь ухватить. Выстрелить не удалось, вражеский коготь зацепил «Беретту» за скобу и куда-то выбросил. Козлов своим снятым башмаком вроде вломил монстру по предплечью, но на самом деле промахнулся — каблук загремел прямо в стенку. Со своей стороны когтистый мутант разодрал Гуру кожу над ключицей.

Тогда доктор, как некогда в студенческой баскетбольной команде, подпрыгнул и поймал башку монстра за волосню. И тут же своей тяжестью потянул ее вниз. Однако острый инструмент из нескольких когтей воткнулся ему в тыл ладони. Больной режет доктора — мелькнуло в мозгу и захлебнулось в потоках боли. Только не отпустить, не отпустить!

Козлов сквозь умопомрачение услышал, как Гур гулко бьет своей кастрюлей. Острый инструмент вышел из ладони и, наконец, утвердилась тишина. Доктор дождался, пока уймется боль, потом вспомнил о фонарике.

Гур был весь исполосованный, но живой, а в углу кабины валялся мутант, нокаутированный кастрюлей. Пальцы-ножницы до сих пор неприятно шевелились. Козлов поспешил неповрежденной рукой подобрать «Беретту», которая по счастью далеко не улетела.

— Что я говорил? Пригодилась кастрюлька, сварила кашу в голове,— нахваливал свою посудинку Гур.

— А я не нарадуюсь на мутационный процесс. До чего все тонко. Атомы железа вставлены в органические молекулы и высовывают рвущие головки, когда прокатываются стоячие волны. Получается из ногтей что-то вроде циркулярной пилы,— порассуждал, успокаиваясь, Козлов.

Его ладонь была проколота насквозь, но довольно аккуратно. Основные сосуды остались целы, хотя, конечно, кровь сочилась изрядно. Гур поводил своими набрякшими пальцами над израненной конечностью главврача. Кровь вначале брызнула сильнее и Козлов чуть не дал свежевылупившемуся врачевателю по мозгам, однако красненькие струйки быстро заткнулись.

— Колдуешь, что ли? — уточнил доктор.

— Колдун не понимает, что происходит. А я вам, товарищ больной доктор, сосуды сперва расширил, чтобы ранки прочистились и вирус не прицепился, и затем сузил, чтобы

«краски сгустились»,— пояснил Гур. — У меня пальцы работают как микроволновые излучатели, поэтому они такие целительные.

У него самого кровь давно уже застыла тяжелыми темными потеками. Козлов наложил Гуру повязку, после чего сеанс взаимного врачевания закончился. Два целителя — университетский и народный — вылезли на крышу лифта, где монстр Длинный Коготь успел оторвать один контакт. Козлов приладил провод, сыпануло окалиной, но подъемник откликнулся на лечение и тронулся вверх.

Дверь, ведущая в компьютерный центр, беспомощно болталась на своих петлях. Внутри уже закончились некие жуткие процедуры. О них напоминал только небольшой беспорядок и невезучий труп дежурного программиста без каких-то особых повреждений.

— Вроде здоровенький, а не живет,— без особой печали заметил Гур.

Доктор приподнял веко мертвеца и принюхался.

— Знаменитый запах миндаля. Крохотная доза синильной кислоты, которой, впрочем, вполне хватило.

— Это плевок, обычный плевок. Поэтому не снимайте, доктор, очки-велосипед, не надо. Вам интересно, как такой яд хранился в организме плеваки? Я думаю, синилка образовалась из двух более безопасных струек уже на лету.

— Мне сейчас интересно, когда это произошло… — доктор потрогал лоб и запястье мертвеца. — Минут пять назад. Если программист раскололся и выдал пароль системы безопасности, то нашим монстрам коды-открывашки уже известны… И они уже успели добраться до выхода!

— Ничего он не выдал. — Гур поднял руку программиста за запястье. — Костяшки пальцев ободраны. Вон еще железяка какая-то валяется. Значит, этот крепкий мужчина пробовал подраться и наши «друзья» его просто прикончили. Но сожрать или даже пожевать не успели.

Козлов включил компьютерный терминал. Тот, просыпаясь, замигал, забубнил экранами. Пальцы доктора ввели пароль системы безопасности. Затем вставили в прорезь магнитный ключ.

— Не подсматривайте, Гур, из-за моего плеча. Я и так все объясню. Сейчас стираются старые коды-открывашки, потом включается генератор случайных чисел и какие-то цифровые последовательности намагничиваются на замки дверей, а также на мой ключ-вездеход.

Гур покачал головой, а потом вдруг встрепенулся. И, гладя воздух ладонями как танцор, прошелся туда-обратно по

помещению. Застрял над одним из аккуратных квадратиков пластикового пола и, зацепив его ногтями, откинул в сторону.

В прорехе обнаружилась чья-то образина. У Козлова ослабла челюсть. Владельцем открывшейся физиономии был алкоголик Муму. Вернее бывший алкаш, который в результате лечения вначале постройнел, а следом столь же стремительно раздобрел. Нынче он присосался к сетевому оптическому кабелю и, не иначе как запоминал всю информацию, которую выбрасывала машина. Светящиеся оранжевые рубчики на ладонях Муму похоже исполняли роль интерфейса, переводящего сигналы из технического в биологический вид.

И тут глотка экс-алкаша булькнула и выбросила натуральный шнур, который, завязавшись узлом на шее Гура, давай ее сдавливать. Тот принялся сипеть и выкатывать глаза. Когда доктор брал на мушку жирного пакостника, ладонь вдруг перестала слушаться, отяжелела, повела дуло вниз. Однако Козлов не обезумел, успел перехватить пистолет второй рукой и выстрел случился все-таки своевременно.

— Не очень-то торопились,— кашляющим голосом выразил неудовольствие Гур. На его шее вздувались синие полосы, видимо поработали стрекательные клетки. Пострадавший смочил свои повреждения слюной.

— Ладно, доктор, будем считать, что мы вдвоем опростоволосились. Правда, на прошлой неделе такое вот жало у жирных мужиков выглядело куда скромнее. Они им только в ухе могли поковырять. Но уже тогда я усек, что язык растет не по дням, а по часам, и токсичные железы все злее. Я думаю, и вы, доктор, не отказались бы от такой штуки во рту.

Козлов с отвращением сплюнул.

— Я рад, Гур, что вы даете комментарии. Но мы и сами разберемся. При вскрытии…

— Ну, как вам все-таки нравятся шишки на его лбу? Они дают понять, что наш жирный друг не только считывал сигналы компьютера, но может быть являлся узлом связи, и электромагнитным излучателем, действующим на нервные окончания.

Доктор машинально помассировал руку, которая столь недавно отказала ему.

— Просто она добрее, чем вы,— усмехнулся Гур. — Слишком легко вы вымарываете людей из списка живущих.

— Насчет людей вы преувеличиваете,— напористо произнес доктор Козлов. — И «пузыри», и попрыгунчики уже не относятся к виду homo sapiens. Кстати, окажись на моем месте невротик, горюющий по каждому раздавленному клопу, зараза бы уже ушла

гулять по всему миру.

— Все звучало бы красиво, доктор, если бы не вы эту заразу выпустили в свет. — Гур оставил за собой последнее слово.

«Осталось четверо пациентов. Наверняка они попробуют выбраться через крышу. Но как? Разве что, вызвав вертолет пожарной службы или там милиции».

— Чуете, шеф? — поинтересовался Гур. — Кстати, можно я вас так буду называть?

— Чую, больной. А что именно?

— Газ, природный, тот, на котором делают яичницу. Наши «друзья» выпустили его где-то внизу. Повернули вентили недрогнувшей рукой. Значит, в ход пошла версия пожара. Сейчас газ рванет по всем нижним этажам и сердобольный пожарники пришлют винтокрылого друга — снимать уцелевших с крыши. Вы понимаете, кто будут эти уцелевшие? И у кого окажется яичница в одном популярном месте.

— Понимаю… Так что же мы торчим на месте, как памятники вождей?

Они преодолели один этаж, а потом Гур вдруг замер и повел носом:

— Не успеем, вот-вот разгуляется огонек.

На этот раз Козлов был на высоте — вышиб тренированной ногой дверь в кладовку, схватил парусину, сунул ее под кран. Гур тем временем вытащил из шкафа две кислородные подушки.

— А теперь, доктор, тикаем отсюда, здесь будет знойно.

Козлов и Гур рванули подальше от залежей кислорода, обмотались парусиной в три слоя — прокатившись по полу — и сунули в рот мундштуки подушек. Поможет ли нам эту суета, гадал по ходу дела доктор, или просто ярче гореть станем?

Вой пожарных сирен едва ли не опередил грохот взрывов, а следом нескромным басом наложился вой пламени. Через пять секунд до путников долетел огненный вихрь. Они были на приличном удалении от разомкнутого газопровода и горящий ветер уже не имел той плотности. Но Козлову все равно показалось, что прочность его тела на пределе — и в этот момент голос пламени заткнулся. Когда чьи-то руки потащили доктора, он принял свою собственную кожу за нечто чужое, давящее и приносящее боль — будто проглотила его змея и жжет своим пищеварительным соком.

Прикрывшись тлеющей парусиной, скача среди очагов и очажков огня, врач и пациент принялись сражаться с раскаленной лестницей, пока не стало относительно сумрачно и прохладно — на восьмом этаже.

— Скоро предстоит встреча с «друзьями», а вид у вас

никудышный,— подколол Гур.

Сам он был похож бодрым багровым цветом на охотничью сосиску. Козлов понимал, что сам выглядит немногим лучше. Но как ни странно, тряпка свалившаяся с ключицы Гура, показывала, что порезы уже основательно затянулись.

— Если мы будем карабкаться прямо по лестнице, «друзья» нас зашухерят очень быстро. Паче чаяния следит за нами какой-нибудь жирный локатор-ретранслятор,— Гур шмыгнул обгоревшим носом и поморщился.

Доктор с трудом возобновил мыслительную активность.

— Тогда остается… остаются нам для продолжения великого похода трубы вытяжных шкафов… Кстати, они хорошо экранируют от всяких локаторов благодаря своей стальной природе.

В итоге, там, где должен был взлетать аммиак, пытался тащиться наверх Козлов. Труба оказалась узкой, чуть раздуй живот и уже держишься, но зато почти невозможно упираться руками или ногами — у конечностей не было «фронта работ».

Когда доктор, наконец, приспособился — стал перекатываться на манер гусеницы — то уже выдохся. А когда выпал на крышу — в глазах угнездилась стойкая пелена. Козлов тем не менее почувствовал приближение «друзей», осторожное, но многозначительное. Послышался звук вскипающего чайника и доктор догадался, что сейчас в него плюнут.

Козлов сфокусировал взгляд и увидел, как в его сторону летит струйка жидкости. А помимо плеваки на крыше еще маячит «пузырь».

Ничего хорошего не случилось бы, опоздай Гур. Напарник аккуратно заслонил от плевка платочком и шепнул: «Сними жирного дирижера». После чего стал уходить от плеваки, который переквалифицировался в рубаку, выпустив свои лезвия и принявшись сечь ими воздух. Жирный мутант вряд ли смог расслышать слова, но тем не менее уловил суть предложения Гура и жалко запищал.

У Козлова даже защемило сердце от пронзительного звука, но он все-таки взял покрепче свой пистолет и принялся наводить на столь приметную цель. Тогда «цель» выбросила свое знаменитое жало, которое перехватило кисть, сжимающую оружие. Воздействие оказалось и сдавливающим и разъедающим одновременно. Так что доктору было впору самому запищать.

Когда уже лопнула кожа и была намертво пережата артерия, Козлов, наконец, стащил зубами командирские старомодные часы и хлопнул циферблатом о твердь крыши. Чувствуя, как немеет рука, только что горевшая от яда, доктор принялся пилить

обломком стеклышка подлый шнурок. Перепилил, собрав всю волю, какая есть, и начал сжимать непослушные конвульсирующие пальцы, которые упорно не хотели слушаться под тяжелым взглядом «пузыря».

Тем временем, Гур и владелец лезвий оказались уже на самом краю крыши. Оппонент делал резкие выпады своими смертоносными ногтями. Гур увиливал, но отступал. И вот когтистый мутант как-то особенно резво «стриганул» сверху и снизу. Гур закачался на краю и враг несколько самоуверенно направился свои ножики ему прямо в мякоть живота. Однако Гур вовремя прекратил качаться, неожиданно у него в руках появился платок, которым он прихватил разящую руку. Потом рывок на себя с отходом в сторону. Когтеносец улетел с присвистом, но и Гур не удержался, исчез за краем крыши. Козлов понял, что не осталось у него союзников на всем белом свете.

Жирняга еще раз запищал, только уже не жалостливо, а призывно, после чего резко распластался, даже раскатался по крыше. Козлов смог наконец выстрелить, пуля просквозила пухлую спину, из которой что-то брызнуло. Однако жирный мутант продолжал пищать. И неспроста.

К самому доктору приближались, прячась за трубами и антеннами, двое недоброжелателей. Бывший бомж Андрон нагло показывал ему пальцем вниз — дескать, скоро и ты туда отправишься, уважаемый, станешь удобрением на клумбе. А в обойме оставался единственный патрон. Противники, кажется, просекли затруднения доктора с боеприпасами. Вернее жирный мутант смог просканировать тревожные дельта-ритмы докторской головы и сообщить новость своим товарищам. Козлов с тоской понял, в какой переплет взяла его эта тройка.

Если даже он ухлопает Андрона, то летательный исход придет в виде некогда безобидного писателишки Малова. Тот не просто задушит, а заплюет, закусает и зацарапает. Потом или вначале скушает. А когда-нибудь будет похваляться описью вложения в свое брюхо и сочинять рассказы «из жизни главврача». Такая вот беспроигрышная для противоположной стороны арифметика.

Враги приближались не прямо, а зажимая в клещи, так что доктору приходится вертеть головой, как очумелому. Резкая перебежка и экс-бомж совсем рядом, за чердачным фонарем, метрах в шести. Малов же скрылся за трубой, однако сохраняет дистанцию метров в пятнадцать. И вот Андрон, укрывшийся за фонарем, зашевелился. Козлов не слышал ничего, кроме этого шороха, из-за которого сердце взвихрилось, а внутренности взметнулись. Вдруг случилось озарение — именно сейчас Малов

рванет из-за трубы. Но ведь только повернешься к нему и изготовишься к встрече, как бомж вопьется в затылок.

Так и есть, бывший литератор со скоростью слова полетел навстречу. Тут же дернул модернизированный бомж. Козлов выстрелил в кабель, проходящий по крыше, и раздолбал одно крепление. Затем резко поднял стальную жилу, ухватив ее неподалеку от того места, где была повреждена изоляция, и стал действовать по принципу скакалки. Махнул вверх, коснувшись выставленных рук бомжа — Андрона электричество угробило на месте. И опустил вниз, цепляя вылетевшую вперед ногу литератора. Тот шлепнулся, после чего Козлов прижал к нему оголенный кусок кабеля.

Предстояло еще проведать жирного мутанта.

Но тот был уже трупом с неожиданно внушительной дырой на темени. Что-то не так, подумал Козлов, мучительно глотая ком, разбухший в горле. Потом заметил влажный след, тянущийся от дыры в мутанте к краю крыши. А там, собираясь уже скрыться на стене здания, ползло какое-то студневидное образование. Доктор кинулся туда и обрушил на ползущий студень ногу, может быть, в самый последний момент. Поскользнулся, едва не рухнул вниз. А потом с нарастающей тошнотой понял, что раздавил мозги. Водянистые, в какой-то оболочке, обрамленной щупальцами. Но эта была та самая бессознательная разумность, которая явилась из вирусного макроорганизма и захотела стать достоянием всего мира.

Неподалеку забили лопасти. Козлов поскорее отошел от края — на крышу усаживался вертолет.

Из кабины выпрыгнули двое — врач и пожарник.

— Эй, есть тут еще живые?

— Вы про загробную жизнь? Здесь на нее много претендентов,— откликнулся Козлов. — Нет, живых в прямом смысле этого слова не осталось… Какие-то неполадки в газовой сети и вот, пожалуйста, плачевный результат. Сделаем, конечно, правильные выводы и в будущем году станем чаще проводить техосмотры.

— А эти трое, отчего погибли? — врач мельком проверил наличие признаков смерти.

— От плохой жизни. Толстяка прибило балкой еще внизу, но его вытащили на крышу. А у этих поражение током. Андрон нечаянно схватился за кабель, Матвей пытался ему помочь. Внизу огонь, а тут надо же дождик прошел, все отсырело. Отличные были парни, хотя и своеобразные. Кстати, опять ушел от нас в чем-то талантливый, душевно молодой писатель. Будьте добры, снимите каски.

— Снизу пожарники уже ломают двери и окна. А нам пора. Ничего, шкурку вашу подлечим, хоть она и покраснела местами, — подбодрил прилетевший врач.

Они загрузились в кабину, и вертолет лег на обратный курс.

«Поймем ли мы когда-нибудь феномен Гура? А если поймем, что мы с того будем иметь? — сочилась мысль в изнуренной голове главврача. — Я сейчас припоминаю, что видел снимки, где вирус внедряется в клетки Гура за милую душу. Это у добровольца номер одиннадцать случилось также как и у других. Но Гур же поборол, больше того, использовал инфекцию в своих целях. Наверное, его клетки действительно чуяли «защитников», когда те еще подбирались по кровеносным каналам, и загодя готовили ферменты, которые затем отрезали у вирусов все вредное. «Макро» хотел поорудовать клетками Гура, а вышло наоборот. Опять, значит, бессознательная разумность на сцене. Разумность мириад частиц, из которых состоит человек — нейронов, митохондрий, клеточных ядер, микробов, вирусов…»

Когда здание института уже напоминало именинный торт со свечками, Козлов на самом пределе зрения засек силуэтик.

— Надо вернуться. Мне кажется, кто-то вылез на крышу.

Доктор сам не знал, кто сейчас говорит его усатым ртом. Неизменно пытливый исследователь, вдруг пробудившийся гуманист, нераскаявшийся злодей?

Окружающие люди покачали головами, но решили попотворствовать увечному.

Гур сидел на крыше, похожий на жутковатую фигурку с собора Парижской Богоматери. Только лицом он был уже не Гур, а подходящий ему по росточку Куценко.

«Мы заставим ИХ служить себе»,— подумал Козлов, протягивая ему руку, не зная кого точно имеет в виду — вирусов-защитников или мутантов вроде Гура.

— Спасибо за руку, доктор, а также за широкие карнизы, которые иногда помогают падающим. Видите, упал в пропасть, но обошлось. Вы вернулись и это говорит хотя бы о том, что вы цените свою работу. Да, мне удалось приручить ИХ. Ну, а что остальные граждане?

Козлов размышлял недолго.

— Остальные будут мутировать, замазывая психические пробелы биологическими достижениями. Вот вам, психический, вот биологический варианты развития, соперничайте на здоровье. И пусть победит сильнейший. Представляю себе где-то в виде итога мутанта, у которого две головы: прогрессивная и реакционная.

«Кто знает, удался ли фокус? Лишь тот, кто на самом деле

его проводил. Я — негодяй. Я не сочувствую людям. Я готов пожертвовать жизнью, но только чужой. Но именно такие как я толкают мир — к вершине или пропасти. Я — педаль скорости.»